

культура». К этому можно добавить, что в повседневной практике научной жизни (в названиях публикаций или научных подразделений) само слово «этнография» рассматривается как синоним первобытной (традиционной) культуры. Ср.: этнография народов Австралии и Океании, этнография народов Восточной Азии, этнография народов Сибири

Понятие первобытной культуры

Широко известен опыт Крёбера и Клакхона, собравших более 150 дефиниций культуры. Их собственное определение культуры, вероятно, можно рассматривать как попытку сплава идей предшественников. Культура — это категория природы и прежде всего человеческой природы, сравнимая с такими категориями, как энергия, масса, эволюция [Kroeber, Klukhohn 1952 : 185]. Ключевыми понятиями при определении культуры для них являются «модель» и «поведение» [Kroeber, Klukhohn 1952 : 188, 189]. Это делает данное определение очень близким определению этноса Л. Н. Гумилева как «стереотипа поведения». Сходятся и многие другие детали. Возьмем более близкие по времени формулировки: классическое для советской науки определение культуры Э. С. Маркаряна как «совокупности специфически человеческих способов целенаправленной деятельности и ее результатов» [Маркарян 1983 : 61] или американского исследователя Борофски как «чисто человеческих, передаваемых через обучение традиций и обычаев, управляющих поведением и верованиями», как «способности пользоваться орудиями и символами» [Борофски 1995 : 5—6]. Вообще любое из существующих определений культуры является либо редуцированной, либо развернутой формой подобного понимания. Это означает только то, что авторы подобных определений придерживаются тезиса, согласно которому предложения с квантором общности говорят об *элементах*, а не о *свойствах элементов* данного класса. В этом смысле стиль высказываний о культуре как о системе «принципов», «символов», «идей», «образов», «ценностей» или «информационных аспектах» сути дела не меняет. Всем этим определениям недостает, с одной стороны, абстрактности, с другой — конкретности.

Вероятно, конкретные науки попросту не имеют средств разыскания универсального понятия культуры. Как универсаль-

ное понятие культура — это философская категория, подобная бытию, познанию, человеку. В связи с этим обратимся к «философии культуры» А. Ф. Лосева. «Культура, — писал он, — есть предельная общность всех основных слоев исторического процесса» [Лосев 1988 : 219]. Под слоями исторического процесса здесь следует понимать сферы, уровни или морфологические части культуры, но ключевым термином, как подчеркивает сам А. Ф. Лосев, для него является «общность». Человеческая культура берется им не как «совокупность» или некое эмпирическое множество элементов, а как абстрактное единство или свойство элементов культуры. Следовательно, он исходит из теории, по которой предложения с квантором общности говорят о свойствах элементов, а не об элементах данного класса. В развитие своей идеи он писал, что «природа и общество, взятые в своей предельной данности, сливаются в то целое, которое нужно назвать культурой» [Лосев 1988 : 219]. Здесь понятие культуры выступает как член триады «природа, общество, культура (человеческое мышление)» [Лосев 1988 : 210].

В отношении проблемы предмета исследования лосевское определение культуры для этнографов не имеет особого смысла. Даже софистицированные определения культуры этнографы создают путем заимствований из других конкретных наук, репрезентируя их теми или иными терминами (ср. понятие «функции» Малиновского, понятие «базовой» или «конфигурационной личности» в психологической антропологии, понятие «структур разума» Леви-Стросса). Это объясняется тем, что задача этнографа не дедуцировать понятие культуры, но получить его абстрагированием «своей» реальности. Порог «предельной общности» конкретных наук значительно ниже философского, чем и объясняются бесконечные споры, в чем состоят этнографические аспекты культуры, что такое «этнографический факт» и т. п. В качестве своего предмета исследования культуру может рассматривать целый ряд наук — история, этнография, археология, филология, социология, культурология, каждая из которых указывает на определенные множества явлений / вещей: исторических фактов (событий), стереотипов поведения, артефактов, социальных фактов *etc.*

Заранее можно предположить, что специфика каждой из названных наук заключается в различии способов выделения

культуры как предмета исследования. Из чего именно выделять мы уже примерно знаем — из представления о первобытных народах-обществах. Существующие обзоры, показывают правомерность этого мнения. На практике антропологи и особенно социальные антропологи отдают предпочтение «примитивным» обществам и так называемым малым группам внутри современных обществ [Бромлей 1988 : 8, 9]. К. Леви-Стросс, чье мнение по поводу возникновения антропологии «из разного рода отходов и остатков» нами уже упоминалось, в более спокойной, не располагающей к полемике обстановке предлагает исходить из того, что данная наука в основном занимается изучением «примитивных» народов [Леви-Стросс 1999 : 31]. Противоречивость его высказываний (в этом он не одинок) происходит от объективного «раздвоения личности» этнографии, от того, что на самом деле он говорит о разных явлениях науки, об антропологии, т. е. об антропологическом течении внутри этнографии, которое возникло во второй половине XIX в. в результате попытки превращения философского учения о человеке в конкретную «науку о человеке», и об этнографии, которая возникла еще в XVIII в. как «наука о народах».

Итак, сосредоточение основного интереса этнографов (социальных и культурных антропологов) на «первобытных народах» можно считать доказанным. Однако то и дело приходится слышать, причем *по обе стороны* этнографии, что «современные народы» также должны быть предметом исследования этнографии. Возникает вопрос: в чем состоит пафос этого призыва? Если под современными народами понимать европейские народы, то «народная» («низовая») культура стала частью предмета этнографии практически так же давно, как и культура первобытных народов (здесь, кажется, не имеет особого значения, какой теории мы придерживаемся: теории деления одного первоначального «племени» (Völkerkunde) или теории объединения двух первоначальных «племен» (Völkerkunde и Volkskunde).

Приведем список понятий, используемых (или некогда использовавшихся, но ныне вышедших из употребления) для обозначения предмета этнографического исследования: первобытные народы («дикари»), неевропейские народы («туземцы»), бесписьменные народы, крестьянское население, низшие слои населения («народ»), сельское население, негосударствен-

ные, или «племенные», общества, «неисторические народы», «естественные народы» («Naturvölker»), «дикая раса». Первоначально на первый план выдвигалось пространственное противопоставление европейских и неевропейских народов («дикарей»), позднее в качестве структуры исследовательского подхода стало выступать временное отношение «современная цивилизация — первобытная цивилизация». Остальные выступают в роли более сильных или слабых эквивалентов этой основной, заглавной структуры или в качестве ее составляющих. Эти оппозиции можно испарить до абстрактных категорий: «высокое—низкое», «близкое—далекое», «свое—чужое», «большое—малое», «центр—периферия», «развитое—неразвитое» и т. д. На этом основании мы можем заключить, что первобытное общество является не только основным предметом исследования, но и моделью этнографического исследования. Только те явления, которые удастся интерпретировать с помощью этой модели, вызывают исследовательский интерес у этнографов.

В западной науке предмет исследования этнографии трактуется двояким образом: «примитивные» общества и так называемые «малые группы» в современных обществах. Во-первых, почему при определении предмета исследования этнографии культура первобытных обществ ставится рядом с культурой «малых групп». Во-вторых, почему «малые группы» в современных обществах становятся частью предмета исследования именно этнографии (антропологии), а не социологии? Это перестает удивлять, если вспомнить, что существует целый спектр как более сильных, так и более слабых эквивалентов понятия первобытной культуры, выступающего идеальной моделью предмета исследования этнографии именно потому, что включает в себя весь ряд возможных значений: архаическая культура, культура «естественных народов», крестьянская (народная) культура, сельская (негородская) культура, культура догосударственных народов, культура неевропейских народов, культура племенных обществ, периферическая культура современных обществ, бесписьменная культура, традиционная культура и т. п. Используя эти оттенки как своего рода ступени, можно постепенно подняться от понятия первобытной культуры к понятию культуры малых групп. Малая группа в некоторых отношениях может выступать эквивалентом первобытного общества («племени»), хотя и более слабым. Если бы этого не

было, этнография попросту была бы неспособна применить при исследовании малых групп свой понятийный аппарат.

Малые группы попадают в поле зрения антропологов (этнографов) прежде всего в силу изоморфности процессов образования анклавов автохтонных народов, попавших в европейское окружение, и процессов образования анклавов иммигрантов. Структурно этнические меньшинства, состоящие из европейских мигрантов, ничем не отличаются от этнических меньшинств автохтонного происхождения, потомков некогда первобытных общностей. Отсутствие собственной государственности формально есть «догосударственная» стадия развития. Можно перечислить еще ряд признаков. Здесь важно подчеркнуть, что в основе «расширения» предмета исследования культурной антропологии за счет «малых групп» стоит не голая конвенция, но определенная процедура, хотя и не всегда осознаваемая.

При анализе предмета этнографии также выясняется, что понятия архаической и традиционной культуры не являются полными синонимами. «Архаическое» ассоциируется в первую очередь с первобытной культурой, «традиционное» — с крестьянской. Это достаточно условное деление, позволяющее говорить о «двойном ядре» этнографии, отчасти восходит к теории первоначального «заговора», якобы состоявшего в том, чтобы уже в ситуации первого крещения этнографии разделить ее на две субдисциплины: *Volkskunde* и *Völkerkunde* — науку о своем народе и науку о чужих народах. Ныне историки этнографии оспаривают данную теорию, доказывая, что упомянутое деление было продуктом романтизма и датируется началом XIX в., что в эпоху Просвещения, когда эти термины появились впервые, им не придавался такой узкий смысл обозначения двух самостоятельных предметов исследования [Фермойлен 1994 : 105]. В Швеции в настоящее время примерно с этой же целью различают антропологию, предназначением которой считается изучение «заморских» культур, и этнологию, чье внимание ограничено европейской крестьянской культурой [Борофски 1995 : 5—6]. Впрочем, еще Фрэзер писал об обрядах «современных крестьян и первобытных народов» [Фрэзер 1983 : 396].

Нам уже неоднократно приходилось цитировать разного времени высказывания, авторы которых, пытаясь яснее обозначить границы предметной области этнографии, чаще всего

используют термины «первобытная культура», «традиционная культура» или их более слабые эквиваленты. Понятие первобытной (архаической) культуры связано в первую очередь с идеей развития (временное отношение) и строится на противопоставлениях «простое—сложное», «низкое—высокое», «древнее—современное», «прошлое—настоящее», «первичное—вторичное», «далекое—близкое», «основание—вершина». Поэтому с этой стороны научное определение предмета этнографии является заслугой эволюционистов, осуществлявших исследования в сфере социальной организации (Макленнан, Морган и др.). Понятие традиционной (крестьянской, народной) культуры связано с идеей состояния (пространственное отношение): — «исконное—заимствованное», «оригинальное (самобытное)—неоригинальное», «старое—новое», «особенное—общее», «глубинное—поверхностное». Оформление, «обработка» этой грани предмета этнографии происходило в «параллельном мире» филологии силами тех филологов, которые перешли с позиций мифологической школы на позиции этнографической, т. е. опять-таки эволюционистской школы (Фрэзер, Веселовский и др.)

Научная практика позволяет говорить, что использование абстракций типа «высокое—низкое», «простое—сложное» и пр. при выделении предмета этнографического исследования является, скорее, *методическим* приемом, а не выражением определенных теоретических (*методологических*), тем более идеологических взглядов. «Низкое» может читаться и как недостаток (отсталость), и как преимущество (сохранение ценной основы). Это исторически заложено в исследовательскую программу этнографии, не говоря уже о том, что исследователь по своему положению инициатора диалога всегда «выше» исследуемого. Точно так же следует смотреть и на врожденный характер «европоцентризма» в этнографии. Важно только, чтобы «европоцентризм» не превращался из формального (в сущности самого примитивного, реликтового с точки зрения истории этнографии инструмента построения исследовательского пространства) в некую идеологическую концепцию. С этой точки зрения более нейтральным является использование в качестве инструмента выделения предмета этнографии всем известного выражения «традиция и современность», именно по этой причине столь часто фигурирующего в названиях этнографических работ.